
РЕЦЕНЗИИ

МОСКОВСКИЙ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСТАЗ

Люсый А. П. Московский текст:

Текстологические концепции русской культуры.

М.: Издательский дом «ВЕЧЕ»; ООО «Русский импульс», 2013. 320 с.

Рассматриваются особенности новой монографии культуролога А. П. Люсого, известного своими исследованиями локальных текстов русской культуры. Обращение к системе локальных текстов позволяет по-новому увидеть известные артефакты и расширить границы человеческого «я», создать другую геометрию личности. Локальный текст возникает как осмысленное, семиотизированное целое, позволяющее читателю почувствовать неожиданные грани бытия.

Ключевые слова: локальный текст, русская культура, Москва, Петербург, Н. М. Карамзин, В. Н. Топоров, хронотоп.

Книгой «Московский текст» Александр Люсый продолжил исследование локальных текстов русской культуры, начатое в ряде предыдущих книг. «Москва... как много в этом звуке / Для сердца русского слилось! / Как много в нём отозвалось!» Эти стихи Пушкина являются своеобразным лейтмотивом сборника, в котором автор сплавляет в одно целое историю, искусство и географию.

Автор прекрасно понимает антропологическое измерение среды обитания. Он настаивает на том, что современный город задаёт особые способы существования. Транспортные магистрали, система электроснабжения, водопровод и канализация, метро и интернет — всё это провоцирует человека на определённые поступки, генерирует определённые события, которые можно читать как текст. Но город существует ещё в исторической и пространственной связи. Москва уже не одно столетие противопоставляется в отечественной историософии Петербургу. Реально сложившийся облик и образ Хельсинки, к слову сказать, органично вписывается в Петербургский текст, обнаруженный В. Н. Топоровым в пространстве русской ментальности.

Петербург в нашем сознании связан с большими проспектами и площадями, с цитатами классиков, с музеями, с империей в её визуальном измерении. Москву обычно сравнивают с большой деревней. И «Бедная Лиза» Карамзина лишний раз иллюстрирует эту мысль. Но Москва ещё и третий Рим, первопрестольная, белокаменная, о чём напоминает исследователь. И ещё она площадка для разных революционных экспериментов, в частности, живой образ пути прихода к социализму. Дома Корбюзье, сталинские высотки, Выставка достижений народного хозяйства неотделимы от её облика. И если раньше в Москве, по сути, не было площадей, а были лишь утолщения улиц, то тотальная перепланировка 1930–1940-х годов, а затем и 1970-х не только уничтожит старую Москву, но и превратит многие её районы в мертвящие душу квадраты. «Лужковский» ампи́р продолжил дело большевиков, хотя об

этом можно спорить, и автор не высказывает здесь категорических суждений. Подразумевается продолжение интересного разговора.

Александр Люсый, как рыба в воде, плавает в культуре, в частности в городской. И любое лыко у него идёт в строчку. В работе мы найдём и уместные размышления о трилогии Андрея Белого «Москва», и разборку стихов Осипа Мандельштама, и даже анализ киносценария Владимира Сорокина. При этом исследователь подчёркивает, что современная Москва представляет собой текст евроремонта, из пространства которого элита видит и утилитарно использует страну. Московский текст (МТ) текущей современности, утверждает А. П. Люсый, игнорирует Россию, для которой Москва стала внешней далёкой стихией. Иными словами, современный московский текст существует в особом хронотопе.

Можно по-разному относиться к творческому методу А. П. Люсого. Но нельзя не признать, что обращение к системе локальных текстов позволяет нам посмотреть на известные артефакты незамысленным взглядом и расширить границы человеческого «я», создать другую геометрию личности. Локальный текст возникает перед нами как осмысленное, семиотизированное целое, позволяющее нам почувствовать разные грани бытия.

Впрочем, Колумб крымского текста Александр Люсый, каковым он начал своё триумфальное шествие в современных филологии и культурологии, и здесь не ограничивается одной Москвой. В книге мы также видим попытку подступиться к киевскому, волжскому и кавказскому тексту. «Само российское пространство предопределило этот факт — наиболее проработанными в научном плане являются на данный момент сверхтексты, порождённые топологическими структурами. "Текстуальная революция" в России отличается от региональных исследований на Западе тем, что каждый региональный текст представляет собой не какую-то сугубо региональную точку зрения, а попытку концептуального "выворачивания" всей России через себя...» (С. 8).

Между прочим, автор хотел назвать книгу, вероятно, в пику ряду произведений Максима Горького — «Московский текст и другие». Однако в процессе выделения издательского гранта Правительством Москвы название в сопутствующих документах оказалось сокращено. Издательский быт всегда тоже был фактором МТ.

Что касается самого московского текста, то автор приходит к радикальному выводу, что МТ представляет из себя текст-множества и текст множеств. И что этот текст верен логике реалий «московской путаницы». Согласимся, конечно, и будем неустанно распутывать. Примерно как сам автор распутывает на российской почве и при этом в актуальном социальном контексте постмодернистские категории *текста-удовольствия* и *текста-наслаждения*:

«Рискнём провести такую параллель: ПТ (Петербургский текст) — это "линейный", как проспекты самого города, продуктивный текст-удовольствие, "ноев ковчег" текста на краю бездны, пространственной границы, в процессе (само)чтения не ставящий под вопрос само текстуальное наличие. МТ, согласно логике растительной "московской путаницы" — это воистину текст-наслаждение, острое и невыразимое, всегда подрывающее основы собственного функционирования, вбирающее в себя и экстаз "третьеримской" эсхатологии "конца времён", и последующую светскую рассеянность (и советскую собранность на новых основаниях)» (С. 82–83).

Неожиданное подтверждение своим наблюдениям автор находит в московском романе Якова Голосовкера «Сожжённый роман»: «Как известно, экстаз и энтузиазм, в научном смысле — вещи разные: при экстазе — полностью выходят из себя — (экс!), как бы взрываются и куда-то врываются, а уж затем воссоединяются со всеобщим; при энтузиазме — как раз наоборот: входят в себя — (эн!), и всё в себя вовлекают, т. е. опять-таки воссоединяются, но уже не снизу вверх, как при экстазе, а сверху вниз)» (С. 83).

Опять «всё смешалось в доме Облонских...». Но читать интересно — страница за страницей. Лучшей литературно-литературоведческой экскурсии по Москве сейчас не найти.

Б. Ф. Кольмагин